

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижѹ я въ странѣ моей родной -
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

Ай, ай,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Телелъ, да холоденъ!

Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ
основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать
оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены
были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Де-
партаментна Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Мая 1 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

У Т А И Д А.

Содержаніе третьей лѣсни.

Пѣвецъ намѣкаетъ Запѣю и Марьѣ о разлукѣ съ ихъ сыномъ — Ушай вымышляетъ сонъ, дабы имѣть предлогъ оспа-вишь отеческій кровъ — самый сонъ — неопиcуемая сцена разсваиванья — Ушай въ походѣ.

О Марья жалкая, несчастнѣйшій отецъ!
Какъ мало радости вы вкушали!
Вы плачете — и вашъ пѣвецъ
Причина, скажутъ, сей печали.
Не знаю, можетель снести,
(О участь! о судьба презлая!)
Когда услышите: *прости!*
Ошъ сына вашего Ушая.
Теперь по время насшаешь,
Чтобъ вамъ съ сыночкомъ распрощаться,
Боюсь — васъ эта мысль убьетъ;
Однако надобно расштаться.
Вашъ сынъ рожденъ, чтобъ свѣтъ дивить,
И бывшихъ рыцарей доселѣ
Изгнашь изъ памяти, заимить,

Героемъ быть на самомъ дѣлѣ;
Преступниковъ разить, карать,
А добродѣшель защищать,
Съ невинныхъ низлагать оковы
И не щадить за правду крови,
Короче, вѣкъ златой ввести:
Чтобы подьячїе не крали,
Чтобъ больше ябеды не лгали,
А вракъ ученымъ не плести;
Чтобы льстецамъ не изгибаться,
А мудрецамъ не напиваться,
Спесивымъ носъ не задирасть,
Дабы его не изломать;
Отцовъ чтобъ дѣти почитали,
Мужьямъ и женамъ вѣрнымъ быть,
Роптать чтобъ бѣдны перестали,
Чтобы игру искоренить,
Чтобъ не было ни войнъ, ни браней,
Чтобъ не писать вралямъ стиховъ,
Не налагать чтобъ тяжкихъ даней,
Не переваживать вѣсовъ;
Купцамъ напрасно не божиться,
За рубль чтобъ двухъ рублей не брать,
Чтобъ только школьникамъ учиться,
Отнюдь старухамъ не болтать;
Монахамъ чтобъ не лицемѣрить,
Попамъ немного быть умнѣй,
Всему чтобъ атеистамъ вѣрить,
А господамъ не драть людей;
Чтобы... но можноль все изчислить,
Чего не должно въ свѣтѣ быть,

И что Упай исправить мыслить?
Такъ лучше дребедень не бишь;
Скажу короче, что вамъ болѣ
Никакъ нельзя съ Ушаемъ жить,
Хоть по неволѣ, хоть по волѣ:
Онъ богатырь — богатырямъ
Сидѣть за пѣчкой не возможно,
Искашь имъ приключеній должно
И подвергаться всѣмъ бѣдамъ.
И такъ дѣдъ съ Марьею прощайте,
Сынка вамъ долго не видать,
Пѣвца напрасно не ругайте,
Пѣвецъ ей, ей! невиновать,
Что вашъ сынокъ по бѣлу свѣту
Задумалъ рыскаеть, какъ шальной.
Ахъ! не бери онъ посохъ свой,
Ябъ потчасъ кончилъ сказку эту,
Тисненью вмигъ ее предалъ:
О сколькобъ радостей вкушалъ!
О какъ мои сѣялибъ очи,
За тѣ недоспанные ночи,
~~Куда бы забралъ дребедень,~~
Въ которыя рѣмы прибиралъ!
Упай однажды по утру
Пошелъ съ сестрою прогуляться,
И походивши по бору,
Домой задумалъ возвращаться.
— „За чѣмъ такъ рано, милый братъ!
Гулянье нынче оставяешь,
О чемъ груспишь и воздыхаешь?
О чемъ съ побою намъ вздыхаешь?“

Сказала Ушка шакъ Ушаю,
Позволь еще я погуляю,
Пойдемъ съ тобою мы на лугъ,
Тамъ разныхъ я нарву цвѣточковъ:
Какихъ же для себя, мой другъ!
Хорошихъ наплету вѣточковъ!
Еще успѣемъ мы домой:
Смотри, какъ солнушко сіяетъ. . .
Я радъ бы всей моей душой,
Ушай шакъ Ушку прерываетъ,
Съ побой, сестра моя! гуляшь,
Но на домъ нада возвратишься;
Тамъ сонъ хочу я ра казать,
И послѣ странствовать пустишься.
Сказавъ сіе — онъ замолчалъ
И путь направилъ свой къ избушкѣ:
Ахъ сколько дѣду и старушкѣ
Возвратомъ бѣдъ онъ предвѣщаль!
Уже Ушай въ избенку входилъ,
И разговоръ о снѣ заводилъ,
Принявъ печальный видъ и тонъ,
Такъ свой рассказываепъ сонъ:
— „О мать! отецъ! какое горе!
Послушайте, что снилось мнѣ:
Что будто бы я брошенъ въ море,
И будто бы на самомъ днѣ;
Вдругъ вижу я передъ собою
Великій преогр. мный домъ,
Сидѣлъ въ которомъ Чудо-Сомъ
И эдакъ говорилъ со мною:
Ушай, онъ сильно заревѣлъ:

Опъ рева весь я содрогнулся,
Ушай, се я, се Чудо-Сомъ хотѣль,
Чтобъ ты морскаго дна коснулся:
Мнѣ все подвластно на земли,
Будь, богатырь! при мнѣ послушень,
Глаголу моему внемли,
И будещи благополучень.
Къ великому рождень Ушай;
Онъ долженъ странствовать пуститься,
Не медли — завтра же спускай,
Твой родъ на вѣкъ благословится.
Лишь чуть сѣ онъ произнесъ,
Такъ сильно разомъ вострепенулся,
 Что и проснулся,
И съ домою Чудо-Сомъ исчезъ.“
Коль хочется по свѣту шляться,
Что дѣлать и богатырямъ?
За ложь же надобно приняться,
Они и прибѣгаютъ къ снамъ.
И нашъ Ушай сварганилъ сказку:
Какъ кажешся и онъ солгалъ,
И матери своей за ласку
Сонъ богатырскій расказалъ.
Притомъ еще вздохнулъ искусно,
Разовъ бышь можешь до шести,
Примолва: шажко мнѣ и грустно!
Но надобно въ походъ идти. . .
Всѣ — всѣ печальны восклицанья,
Въ Грамматикѣ какія есть —
Читатель! долженъ ты привести
Ихъ всѣ сюда безъ отрицанья:

И ге, и ги, и го, и го,
То и тогда наврядъ представишь
Плачевну сцену ты сію,
Хоть тысячу *тире* спасаешь
И сколькожь къ нимъ еще прибавишь
Кавулекъ, точекъ, залятыхъ,
И знаковъ множество другихъ,
Подобно же смѣшныхъ,
Пустыхъ,
То и тогда рыданій, воевъ,
И щасливыхъ моихъ героевъ
Ни на волосъ не натершишь.
А какъ дойдешь до обниманья,
До поцѣлуевъ и прощанья,
Щеро ты бросишь, замолчишь.
Какъ сдѣлаю я неподобно,
Когда, тебѣ, мой другъ! подобно,
И самъ объ этомъ ни слова!
А выведу я молодца
Изъ дѣдовой избы на поле!
Пусть съ божьей помощью идетъ
Часъ, два, четыре, пять и болѣ:
Ошь эшаго убышку нѣтъ.
У насъ на это есть прибаска,
Ее ребенокъ знаетъ всякъ:
Хоть скоро говорится сказка,
Да дѣло не-вернися такъ.
Пускай Утай мой погуляетъ,
Гулять большой ему просторъ,
О приключеньяхъ пусть мечтаетъ,
Пускай свой пресыщаетъ взоръ

Голошомъ, лѣсомъ и долиной,
Р кой, буграми, ручейкомъ,
Пусть сей прельщается картинъ ѿ,
А мы не много отдохнемъ,
Пусть дождь его не разъ измочивъ,
Пусть воешь вѣтръ, гремишь пусть громъ,
Пуускай прязбнешь, естли хочешь,
А мы немного отдохнемъ.
Мнѣ право болѣ нѣтъ мочи,
Ужъ мнѣ мои не служатъ очи,
Пора мнѣ бѣдному заснуть:
Желаю всѣмъ приятной ночи
И пѣснь канчиваю тутъ;
Лишь только одному Ушаю
Минушы спать не позволяю.

Мсль.

2.

Похвала Гроку.

Ахъ! какое восхищенье
Я внезапно ощутилъ!
Мыслей быстрое стремление,
Бодрость духа, крѣпость силъ!

Врю себя я на Парнасѣ,
Съ лирою златой въ рукахъ:
Сладость райска въ лирномъ гласѣ,
Жизнь — Гармонія въ струнахъ.

Но какое привидѣнье!
Что за бредъ въ моемъ умѣ! . . .
Только вижу заблужденье!
Гдѣ Парнасъ и лира гдѣ?

Я покойно на диванѣ
Передъ столикомъ сижу;
Грокъ блеститъ въ моемъ стаканѣ,
Съ ромомъ штофъ въ рукахъ держу.

Пусть же будетъ Геликономъ
Мягкой эшотъ мой диванъ,
Штофъ пусть будетъ Аполлономъ,
Лирою моею — стаканъ.

Ну! еще я тягну Гроку!
Лучше онъ Каспальскихъ водъ:
Онъ внушилъ мнѣ ифонъ високу,
Мыслямъ далъ свободный ходъ.

Онъ причина восхищенья.
И веселью моему;
Онъ достоинъ прославленья,
Се зываю я къ нему:

Ты, который создаешь
Утѣшенье дней моихъ,
Въ сердца радость поселяешь
Средь напастей, скорбей злыхъ.

Противъ бѣдствій оборона,
Въ жизни ты небесный даръ,
Грокъ, любимецъ Албіона,
Мореходцевъ всѣхъ нектаръ!

Съ Грокомъ гордо презираешь
Англичанинъ эпостъ свѣтъ,
Ко лбу смѣло устремляешь
Смертоносный пистолетъ.

Щастья зря непостоянство
Съ Грокомъ онъ кричитъ: *goddam!*
Помираешь ложь, пиранство:
Съ Грокомъ шумишь онъ надъ всѣмъ.

Мореходцы! вы скажите —
Сколь для васъ полезенъ Грокъ?
Въ бурю смѣло вы шумите,
Презирая гнѣвный рокъ.

Преплывая Океаны,
И ругаяся волнамъ,
Осушаете стаканы:
Грокъ цѣлебный вашъ бальзамъ.

-

О Нептунъ! явись всеильнымъ:
Вздумай чудо сотворить:
Бездны водъ презубцемъ дивнымъ
Въ вазы съ Грокомъ превратишь!

—

Пусть народы, признавая
Въ томъ щедроту къ нимъ пivoю,
Грокъ, какъ воду, попивая,
Выхваляють часть свою.

—

Всякъ по грозной бы стихіѣ
Съ радостью пускался въ путь,
Презирая вихри злые —
Не страшился утонуть:

—

По брегамъ тогдабъ селились
Океановъ и морей
Непрестанно веселились
И кричалибъ: *больше лей!*

—

Въ рай земной бы обратилась
Слезная сѣя юдоль,
И въ Геенну бы сокрылась
Опѣ людей напасть и боль.

Въ жизни наше всё блаженство,
Чтобъ не плакать, не пужить;
А на это былобъ средство —
Чтобъ по больше Гроку нишь.

Ахъ! я съ Грокомъ въ зоключеннн —
Весель, какъ Сократъ, бываль,
Въ Грокѣ видѣль бѣдъ забвенне
И отраду съ нимъ глошаль.

А шеперь какъ обратила
На меня фортуна взгляды,
Разны способы открыла
Гроку больше попивашь.

Прочъ опасныя Фантомы:
Я залзу въ уголокъ;
Строяшъ пусть воздушныя дома,
А я буду нишь мой Грокъ.

Знаю, что къ Плутоу злomu
Должно нѣкогда предстать,
Но имѣя бочку рому,
Можно смѣло смерти ждашь.

Нахилмовъ.

3.

Лиза Романистѣ.

(Посѣсть.)

Извѣстно, въ древности какъ Рускіе живали,
Не знаа нынѣшнихъ зашѣй,
При воспитаніи дѣшей!
Имъ только *нравственность* внушали,
И наши дѣвушки романовъ не читали.
Теперь же *нравственность* и слушають не хо-
шяшь,

Смѣюся всѣ надъ стариною;
Я вамъ намѣрень расказашь
О Лизѣ. . . новаго покрою:

*

Въ деревнѣ Лизанька жила,
Какъ роза алая, въ глуши кустовъ, цвѣла,
Котора родилась хоть и Россіянкой,
Воспитывалась туль природной иностранкой.
Прекрасныхъ пара глазъ у Лизы, спройный
спань,
И что, всего важнѣй, при тысячи крестьянь,
Давно бы въ городахъ сердца къ ней привлекали,

Полковникъ, Генераль, по ней бы въздыхали:
Въ деревнѣ все не то — лишь въ городѣ живш
рай!

Прискучили ей *Жолт*, прискучили попугай,
И только лишь одни романы ушѣшаютъ,
Хоть сердце юное развращомъ заражающъ:
Жанлисъ, одѣтая въ Французской переплетъ,
Сталь, *Крамеръ*, красили Ливепинъ шуалетъ.
И ей прїятныя минуты доставляли;
Радклифъ ей и *Руссо* не мало помогали —
Дюкре пусть *Дюмениль* усердствовала пре-
спалъ,

Да и *Луветъ Кувре*, какъ вѣжливый Аббатъ,
Слѣшили распространить развратъ;
И Лизанька груститъ не рѣдко начинала.
Чегожъ ей хочется? чего не достаешь?

Чего? ахъ вѣрно не конфетъ!

Вить Лизанькѣ пятнадцать лѣтъ!

Шестнадцата весна ей только наступила,
Косынка вздулася — и Лиза загрустила!

О чемъ же? спросяшь наконецъ: —

У Лизы есть и мать, есть также и отецъ,
Но сердца, знать, ее они ужъ не питають,
Лишь множашъ ей шеску — и въ роцѣ увле-
кають.

Изволишь Лиза тамъ мечташъ,

И въ сердцѣ пустоту несносну ощущашъ;
Романовъ чтенію тамъ Лиза предаешъ,
Живой фантазіей къ погибели влечешъ.
Тутъ *Вертеръ* всякой часъ съ Лизетою бывалъ
И пламенну любовь для Лизы представлялъ —

Такое чтеніе для многихъ очень мило,
И дѣвушка не разъ съ ума оно сводило

Однажды она

Въ садочкѣ посковала,

Въ мечтѣ погружена,

Не зная и сама чего она желала;

Я думаю, на этотъ разъ

Попался ей *Фоблазъ*,

Что такъ она вздыхала!

Межъ нѣмъ охотникъ молодой

Проходить за решеткой,

Хотя и былъ слугой,

Однако же красоткой

Давно замѣченъ былъ —

И Лизѣ, кажется, довольно миль! —

„Какая ложь! какая небылица!“

Тутъ можешь вдругъ сказать невинная
дѣвица.

Конечно, въ городѣ, какъ вѣтрѣ,

Вмѣсто слуги вилсябъ за не Пешиметъ;

Но Лиза въ г. р. дѣ еще не появлялась;

Такъ диволь, что слугой, такъ много занима-
лась?

Притомъ романами Лизета подкрѣплялась!

И такъ не диво, что она,

Фантазіей увлечена,

Въ стрѣлка влюбилась страстно,

И мыслила объ немъ всечасно;

При томъ и по сказать,

Охотникъ былъ молодцоватъ;

А Нимфѣ нѣкогда оставленной богамъ

Пріямень былъ Сапирь, и съ козьими ногами!

А шупль

И нѣтъ диковинки ни чуть —

Вишь спраспи вѣчные шираны!

Такъ юной дѣвушкѣ возможноль твердой быть,

Копорую романы

Успѣли ослѣпить?

Часенько Лизанька въ садочикъ приходила,

Гдѣ много для себя веселья находила;

Спыдлила и робка,

Съ начала, какъ цвѣтокъ, краснѣла,

Взирая на спрѣлка;

А послѣ Лиза такъ успѣла,

Что даже и играшь она съ нимъ не робѣла!...

„Того желалъ конечно рокъ!

Лизета такъ швердила,

„Чтобы ея стужлокъ,

„Онажъ его любила!..“

Однажды въ лѣшню ночь, когда взошла луна,

Прелестная Лизета

Выходить въ садъ одна,

Въ прекрасно неглиже одѣша,

И вдругъ,

Откуда не взялся ея любезный другъ!

Конечно днемъ они еще уговорились;

Въ сердцахъ шупль обоихъ желанья пробудились!

Иль чувство, — иль любовь, — не знаю какъ

назвать,

Лѣнивъ романы я читаешь;

Романы кто читаешь,

Что пробудилось въ нихъ и безъ меня узнаешь, —

Аллеи тѣнь и лунна ночь,
Уединенье, всё, спаралось имъ помочь...
Но нѣтъ!... на сцену мрачну
Завѣсу наведу полупрозрачну —
И лучше погрузу,
Что я не выдумку пишу.
Въ романахъ, на явуль, любовь — всегда лю-
бовь...

Для Лизы многое еще было загадкой:
Теперь взгляните сквозь покровъ
Украдкой...
Увы!... Въ томъ право я не виновать,
Клянусь... съ охотою желалъ бы я сол-
гать. —

Къ несчастію, Лизета
Въ объятіяхъ любви покоилась до сѣдня —
И что же наконецъ?
Въ семь видѣ заспаетъ прелестницу отецъ:
Полураскрыта грудь!... онъ видить... и не вѣ-
рить!

И гнѣва праваго не можетъ онъ умѣрить,
Отъ коего полномъ
И Лизанька проснулась,
Взглянула — ужаснулась,
И такъ, какъ водится при случаѣ шакомъ,
Вздохнула, закричала,
И въ обморокъ упала! —

*

Стрѣлокъ въ солдаты отданъ былъ:
Конечно въ эту ночь онъ Лизѣ нагрубилъ!
Но горю пособишь не смѣя,

Да и стыда уже поправить не умѣя,
Лизета, кончивъ чтобъ поску
И кончивъ чтобъ *романъ*, по... бросилась въ
р'ку:

Къ мученью, умереть и шамъ не допустили,
Испоргнули изъ водъ
И къ жизни возвратили. —
А черезъ годъ,
Сю В'неру

Въ замужство отдали хрому Офицеру! —
Въ де евъ и теперь она живетъ...
Не знаю обь спрѣлкѣ забыла, или нѣтъ.

Отцы и матери быль эту прочитайте
И спрже дочерямъ романы въбирайте.

Дмитр. Ярославскій:

Б А С Н И.

4.

Овенъ и Песѣ.

Не знаю именчо я въ городѣ какомъ,
Въ Черкаскѣль, Харьковѣ, въ Екашеринославѣ;
Въ Черниговѣ или въ Полтавѣ...
Песѣ разговоръ завель съ овномъ,
Иль лучше песомъ овенъ достойно укорялся:
Какъ можно вамъ такъ ниску быть,
Позволишь мяснику, чтобъ вами онъ ругался;
И чшобы смѣль онъ васъ и рѣзашъ и душишь?

Какъ быть безъ гордости, безъ мѣсти,
О соблвенной не думашь чести,
Дашь волю мяснику обидь вамъ дѣлать двѣсти?
Барань укору пеа довольно понималъ,
Вздыхалъ,
И взоръ попуя въ низъ — молчалъ.

*

Мясникъ — подьячѣ; песь — Нѣмецъ; а Ба-
рань. . . .

.

5.

Е з о л ъ.

Езопъ игралъ съ дѣтьми въ орѣхи:
Ошъ всюду колкости и смѣхи,
И даже брань и крикъ!
Мальчишка, ученикъ!
Такъ проходящѣ кричали,
Глупецъ! Педанты прифавляли:
Езопъ предолго брань перифѣль;
Но послѣ, потерявъ перифѣне,
Сказалъ такое изрѣченье:
За чѣмъ мнѣ не мѣшашь бездѣлья между дѣль?
За чѣмъ съ невинными дѣтьми не забавляшья?
Коль слишкомъ лукъ шянущь, онъ можетъ из-
ломашья! —

Мслвчъ.

6.

Заморской улей.

Николинька, сынокъ у матушки почтенной,
Ръзовъ не много былъ,
Хотя и принималъ подь часъ онъ, видь спешной,
И будно, какъ шарикъ, судилъ и говорилъ.
Но ръзвость не порокъ — и дѣшамъ все прощающъ,

Когда они умны бывающъ.

Однажды въ пасѣку дѣшина забѣжалъ,
Въ которой ульевъ рядъ стоялъ —
(Иль многихъ и ему одинъ принадлежалъ,
И полонъ меду былъ, коль молвить правду
манку)

„Давай пересмотрю все ульи по порядку!“ —
Сказалъ Николинька — и ну перебирашь!

И маленькіе, и большіе,

И старые, и молодые:

Нашель набишые межъ ними — а иные
Созѣмъ пустые,

И сталъ ихъ съ умыслу ронять.

Тутъ порядку набрелъ на улей иностранной,
Которой на показъ, какъ видно, шамъ стоялъ,
Работы мастерской столярной,

Расписанъ красками — фонарикомъ сѣялъ!

Заглянулъ внутрь его — хотя бы капля меду,

И понови ни слѣду:

Толкнулъ его ногой — да прущня и прижалъ,
А шопъ безъ памяти отъ боли зажужжалъ.

Досужи пчелки молодья,
Услыша рѣзкой прутневъ зыкъ —
(Онъ дорогъ былъ для нихъ за пѣсни щеголь-
скія)

Всѣмъ роємъ изъ улья пустилися на крикъ:
„Сестрицы! кто-шо прутня давить!
„Онъ тѣмъ весь улеи нашъ безславиль;
„Извѣстно всѣмъ пчеламъ,
„Какъ прутень сей полезень намъ:
„Хоть меду онъ у насъ и просить,
„Да грязь намъ изъ болоша носить.
„Опмстимъ мы за него, опмстимъ!
„Какъ пуча, на врага внезапно налешимъ,
„И шакъ изжалимъ,
„Что мѣста у него живова не оставимъ!“ —

Напали — ну кусать!

И жалить, и жужжать!

Что радъ Николинъка бѣжать
Долой оппуда безъ оглядки.

Послушайте, ребятки.

Не троньтѣ прутней никогда:

Не то — ошь пчелокъ вамъ бѣда!

О. Соловь.

Е П И Г Р А М М Ы.

7.

Ты мнѣ пвердишь, что Богъ всё къ *лучшему*
здѣсь строипль :

Увѣрень въ мнѣнии я шакомъ,
Но чпожъ шупь *лучшаго* и Богъ и свѣшь нахо-
дипь,

Тебя создавши *дуракомъ*?

..... ѣ ѣ.

8.

Спара, въ морщинахъ, зла, сѣда,
Ахъ! можно ли въ себя влюбипся! —

Чшо день, шо новая бѣда,

И зубъ за зубомъ все валипся.

Напрасно щипипся пы рядипся:

Куда тебѣ плясать, мой свѣшь!

Ахъ! — лучше постригипсь — но нѣпль —

За чемъ чертей она въ обипель принесеть?...?

*

9.

Что Графъ нашъ будшо самъ не свой?

Вчерась онъ дюжиной плѣнился;

Да ша бѣда, что ни одной

Изъ дюжины не полюбился!

О. Самовъ.

Н А Д П И С И.

Ю.

Къ лиценачертанію П. Гончаренка.

(Пастыря Люботинскаго.)

Сей мужъ, пустынь и дебрей чадо,
Былъ въ жизни паспыремь свиней:
Онъ блюлъ усерднѣй свинско стадо,
Чѣмъ многи пастыри людей!

О. Соловъ.

Ю.

Къ Портрету П. Гончаренка.

Потомству предстоить се Павелъ Гончаренко:
Онъ жизнь свою ведетъ смиреннько,
Быль сышымъ — весь его предмѣтъ:
А больше въ немъ желанья нѣтъ!

Мслвъ.

Ю.

Р е ц е л т ъ.

Какъ получить Наполеона.

Возьми ты Робеспьера кровь,
Сполчи печонку ты Нерона
Съ Гиверья сердцемъ, и — голову
Составь Наполеона.

Мслвъ.

Стихи по прочтеніи Сумарокова.

О горе, горе намъ,
Мѣлкопомѣшнымъ рифмачамъ!
Когда Парнаскій Князь, преславный Сумароковъ,
Который бочекъ сто Парнаскихъ выпилъ по-
ковъ

И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ рифмы былъ.
Въ швореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣтушь для рифмы райски крины, (*)
А гдѣ стоишь Великій Петръ,
Тамъ по неволѣ дуешь вѣтръ.
Нѣтъ рифма! шы забудь насъ почитать рабами,
Иль разсердясь тебя мы презримъ сами.

Нахимовъ.

(*) Смощри Сумарокова сочиненія:

Ода VIII.

Цвѣтетъ пріятность райска крина:
Взошла на пронь *Екатерина*.

Ода IX.

Подобье видя райску крину,
Премудрую *Екатерину*.

Ода XII.

Процвѣтайте райски крины:
Имя днесъ *Екатерины*
На Парнасѣ видимъ мы.

Ода XVI.

Въ поляхъ зеленыхъ райски *крина*;
А прежде здѣсь *Екатерины*,
Справа сія была пуста.

Ода XVIII.

Отъ корени Эдемска *крина*
Прекрасны видимъ мы цвѣты,
Цвѣты сіи *Екатерина*.

Ода XIX.

Какъ тебѣ богиня *крина*,
Такъ дѣла *Екатерины*
Щастье сѣверу всему.

Ода XX.

Кропите кровью вашей *крина*,
А мы, по упреннимъ водамъ,
Пристанемъ къ вашимъ берегамъ
Со именемъ *Екатерины*.

Ода XXIII.

Тобой я краше райска *крина*,
Великая *Екатерина*!

Ода XXIV.

Эдемску пѣснь подобно *крину*:
Хочу воспѣть *Екатерину*.

Ода XXV.

Прекраснѣй будешь райска *крина*:
Таковъ — какъ намъ *Екатерина*.

Ода XXVI.

Подъ областью *Екатерины*
Брега постройше, райски *крина*!

Ода XXVII.

Подъ сѣнью *Екатерины*
Сбирай, Россія! райски *кринь*.

Ода XXXVI.

Цвѣти подобьемъ райска *кринна*:
Взошла на тронъ *Екатерина*.

Мадригалъ 16.

Румянцовъ процвѣти подобьемъ райска *кринна*,
Героямъ образецъ!
А выценосцамъ образецъ
Великая *Екатерина*.

Письмо къ дѣвицѣ: Нелидовой и Борщовой.

Съ какой бы радо шью, подобну райску *крину*,
Онъ зрѣлъ *Екатерину*.

Стихи къ воспитательному дому.

Къ безсмертной памяти второй *Екатерины*
Цвѣтушь ея дѣла и здѣсь, какъ райски *кринь*.

Письмо къ Голицыну.

Рѣпейникъ тамъ росшеть, гдѣ было мѣсто
кринна:

О Боже! ешьли бы была *Екатерина* и пр.

Тамъ же.

Того на сей землѣ цвѣшуца паче *кринна*
Желаешь мудрая твоя *Екатерина*.

Надпись XXV.

И возсіяетъ онъ подобно райску *крину*:
Великолѣпіе, въ честь дню сему,

Даетъ ему
Великая *Екатерина*.

Надпись XXVIII.

Цвѣтуть сіяючи въ мои дни тако *кринны*,
Какъ Росскія страны во дни *Екатерины*.

Надпись XLII.

Да процвѣтеть Москва подобьемъ райска *кринна*:
Возобновляешь Кремль и градъ *Екатерина*.

Димитрїады кн. I.

Дабы мои стихи цвѣли какъ райски *кринны*,
Достойны чтенія второй *Екатерины*.

Притча Фебъ и Борей.

Рѣпейникъ хуже райска *кринна*:
Борей Калигула а Фебъ *Екатерина*.

АЛЕКСАНДРОВА слава.

Сказаль бы ты тогда: во дни *Екатерины*
Мои увяли *кринны*.

(Столько отыскано въ бу.магахъ.)
Изд.

14.

Поетъ и Математикъ.

П о е т ъ .

Не къ Стиксаль мрачнымъ берегамъ
Фаншазія меня примчала?
Тѣнь блѣдна, жалкая предшала
Испуганнымъ моимъ очамъ!

Хламидой сальной покровенный,
На стулѣ призракъ сей торчишь,
И долу черепъ уклоненный,
Прозрачнымъ колпакомъ покрышь.
Огромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
Въ пыли поверженна, лежитъ,
Онъ съ грифеля не сводитъ взгляда,
И онымъ на доскѣ чертитъ,
Чертитъ — и рожу искривляешь
Въ досадѣ будто сей скелеть,
Колпакъ не рѣдко поправляешь —
Граня при томъ какой то *зетъ*! —
Конечно терпитъ онъ отъ *зета*,
И *зетъ* сей вѣрно адскій духъ,
Отъ *зетъ* блѣдень онъ и сухъ:
Спрошу о *зетѣ* у Скелета.
Кто ты — прежалка тѣнь — вѣщай,
Кѣмъ ты на муку осужденна,
Здѣсь къ стулу кѣмъ ты пригвожденна,
Не мрачный ли се ада край? —
Иль здѣсь волшебникъ обихаетъ,
Тебя обвороживъ терзаетъ?
Иль фуріи въ тебѣ живутъ,
Которыхъ *зетам* зовушь?
Ручьями изъ ноздрей текущій
Табакъ ты прежде обопри,
Пошомъ мой духъ въ сомнѣнны сущій
Освѣшомъ удовлетвори! —

М а т е м а т и к ъ.

Проклятая ты *биномія* —
Ты злобы адской *екслонентъ*,

О нуль, исполненъ ядомъ змѣя —
 Какъ смѣлъ ты поносить мой зетъ? —
 Всемошнѣй съ *иксолъ зетъ* вѣщаешъ
 Задачь непоспѣжимыхъ тѣму,
 Природы тайну опкрываетъ,
 И всё покорствуемъ ему.
 Подобно грозному Титану,
Зетъ небо присшупомъ беретъ,
 И *зету*, лаврами вѣнчанну,
 Хвалу вселенна воздаемъ.
 Знай въ вѣчность я на *зетѣ* ѣду —
 Я званъ безсмертѣемъ къ обѣду,
 Черезъ *иксѣ*, чрезъ *игрекѣ* и чрезъ *зетѣ*,
 Я прошопшалъ къ Олимпу слѣдъ.

П о е т ъ.

Хулу скелетъ сей изрыгаешъ!
 Въ умѣ помѣшанъ видно онъ —
 Досадно мнѣ; но пусть болтаешъ:
 Не писанъ дуракамъ законъ! —

М а т е м а т и к ъ.

Ты говоришь о мнѣ съ презрѣемъ;
 Клянусь *квадратнымъ ужасенемъ*
 Клянусь, что я тебѣ опмщу:
 Я пущу *игрековѣ* пущу,
 Да поразитъ тя пуще грома —
 Ужасна, сильна *аксіома*!
 Отъ куда, дерзскій! ты пришелъ;
 Меня въ отчаянѣ привель;
 Ты помѣшалъ рѣшить задачу,
 Съ досады и со злости плачу!

П о е т ъ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
Угрозь ни мало не страшусь,
За *зета* грудью ты вснупился,
Чего ты на меня озлился?
Скажи, открой мнѣ наконецъ,
Живой ли ты или мертвецъ,
Во снѣ ли бредишь какъ лунашикъ?

М а т е м а т и к ъ.

Дрожи, о дерзновенна шварь!
И знай, что азъ есмь *чиселъ* царь,
Искусный, славный Математикъ.
На *иксахъ* мой воздвигнушь тронъ —
Его съ почтеньемъ окружаешь:
Нулей отборныхъ легіонъ.
Количество меня вѣнчаетъ,
Съ *маштаблѣмъ циркуль* — скипетръ мой
Ищу я круга квадратуру,
Послушай, не шуми со мной.

П о е т ъ.

Набрель я на каррикатуру!
Забавный для стиховъ предмѣтъ!

М а т е м а т и к ъ.

Что слышу! — небо! онъ Поеть!
Въ немъ вижу злаго супостата —
Отъ коего свирѣлыхъ рифмъ
Трещеть робкій *логарифмъ*;
Онъ бичъ и *куба* и *квадрата*!

Я понимаю всё теперь:
Парнасскій эгошь хищный звѣрь
Сапиру хочешь пригословить —
Онъ будетъ въ ней меня злословить.
Злодѣй! оставь ты мой чердакъ,
Я *иксомъ* заряджу колпакъ,
И выспрѣлю, какъ изъ морширы,
Иль *грифель* сей тебя пронзишь,
Съ шобою вмѣстѣ истребитъ
Презлбный планъ явовой Сапиры!

П о е т ъ.

Не въ силахъ я владѣть собой!
Постой, о чучело! постой,
Ступай съ своими ты *нуллами*,
Бери съ собою *зеть* и *иксъ*,
Гдѣ протекаешь мушный Стиксъ,
Спунай шуда — живи съ чертями!
Схвѣшилъ сынъ Феба запучокъ
Царя, количествомъ вѣнчанна,
И, давъ ему одинъ полчокъ,
Повергъ на землю бездыханна!

Нахилмовъ.

15.

Въ день Ангела К.

Чтобъ подарить на имянины
Моей любезной К. ?
Я долго думаль и не зналь.

Какъ вдругъ мнѣ Аполлонъ предсталъ,
Предсталъ и — громко засмѣялся;
„Чего бѣдняшка такъ смѣшался?
„Нельзяль причину мнѣ опкрышь?“
Мнѣ Фебъ такъ началъ говорить,
„Иль начудесилъ на Парнасѣ?
Или ушибся на Пегасѣ?
Иль нѣтъ пера, или чернилъ,
Или давно воды не пилъ,
Воды Кастальской, чистой, ясной. . . .
Оставь сей важный видъ ужасной
Заботу мнѣ свою открой?“
— „О Богъ Парнасскій удостой!
Ты выслушай мою заботу,
Тогда оставишь ты охоту
Шутишь, осмѣиваешь меня,“
Отвѣтствовалъ ему такъ я.
„Ты знаешь, что моя сестрица.“ . . .
„Лилея эта круглолица?“
Такъ Богъ Парнасскій перервалъ.
„Она, она, я отвѣчалъ;
Ея сего дни имянины;
Такъ видишь, я не безъ причины
Предался мыслямъ и смущенью;
Тебѣ извѣстно, въ этотъ день,
Подарокъ должно ей поднести,
А что у нашей браташи есть?
Ни ленишь, цѣпочекъ, ни супира.“ —
„Но у тебя, за то есть лира,“
На это Аполлонъ вскричалъ,
„И ты давно бы написалъ

На эштоу случай длинну оду,
Въ верхъ дномъ посшавиль бы Природу;
Засшавиль въ ней бы всѣхъ плясать,
Засшавиль въ ней бы всѣхъ кричать:
О день, шoliko вожденный!
О день, сугубо драгоценный!
О день, безчисленныхъ улѣхъ!“ —
Осшавь, Фебъ! колкой „эштоу смѣхъ;
А лущче дай мнѣ насшавленье,
Какъ описать души движенье,
Какое чувствую въ сей часъ!
Чшо долженъ я просить у васъ
Моей любезной К.,
Какой должна она судьбины
Отъ васъ, о Боги! ожи ашь?“
Мнѣ Фебъ такъ началъ ошвѣчать:
„Проси лишь шолько Парку люшу,
Чшобъ ошдалила шу минушу,
Въ котору должно нишь пресѣчь,
Сестрѣ въ сырую землю лечь.
Сестра швоя добра, скромна,
Мила, прѣятна и умна, —
Намъ нѣчево дашь ей ужъ болѣ,
Признаться и не въ нашей волѣ.“
Сказавъ сіе Фебъ скоро скрылся,
И я о К. ... — помолился!

*

Элегія на потерю рожка.

Плачь, плачь, мой бѣдный носъ! и токи лей на
землю,

Тебѣ Элегію писать я предпріемлю:

Жестокая судьба! немилосердый рокъ!

Почто ны у меня вѣхнѣли мой рожокъ?

Для рока краснѣ рожки и срамно и постыдно,

Знаешь щастіе мое всегда тебѣ завидно;

Ты въ вечеру на мнѣ свѣчею сжешь колпакъ,

А нынѣ ныхнешь ты изъ рожка табакъ,

Хотя мнѣ сей рожокъ принадлежалъ по праву;

Онъ с савлялъ мою ушѣху и забаву,

Онъ здравіе хранилъ всегда въ моихъ ноздряхъ;

Ахъ! никогда онъ съ нимъ не были въ прыщахъ.

Увы! я безъ него сталъ сущій сирота,

И носа моего увянетъ красота!

О люто о рожкѣ моемъ воспоминанье!

Я въ сердцѣ чувствую несносное спраданье.

Плутели мои! пролейте слезный токъ,

Бывало я и вамъ трѣсу на соколокъ,

И вы рожкомъ моимъ блестящимъ, любовались,

А нынѣ съ нимъ и вы на вѣки ужъ распались.

Рыдай и ты, рыдай, пузырь мой съ табакомъ!

Ахъ! не увидишься ты болѣе съ рожкомъ,

Ты дру. а поше. ялъ въ семь Рускомъ человекѣ,

Такого не найдемъ мы друга въ нашемъ вѣкѣ,

Въ которомъ любяшь себѣ не насъ, а кошелекъ;

Спаринныхъ нравовъ былъ покойный мой рожокъ!

Прочь, табакерка! прочь, ты извергъ, бусур-
манка,

Ты носа моего свирѣлая ширанка,
Ты за собой влечешь и струпя и прыщи,
Пріяшелей такихъ ты къ Нѣмцамъ въ носъ
пащи.

Внемлите мнѣ шеперь, несправедливы Боги!
Коль къ носу моему вы были сполько строги,
Что у него рожокъ насильно опняли
И тѣмъ ударъ ему ужасный нанесли:
Не думайте, чтобъ я спознался съ изувѣркой,
Чтобъ гадилъ Руской носъ Нѣмецкой таба-
керкой;

Клянется въ томъ моя печальная ноздря,
Что буду нюхашъ я всегда изъ пузыря,
И носъ доколѣ мой рожка не позабудешъ,
Доколѣ въ мѣрѣ семь табакъ онъ нюхашъ бу-
дешъ.

17.

Бывало и теперь (*).

*Бывало въ домѣ не обширномъ,
Въ кругу друзей, въ кругу родныхъ,
Проводишь дни въ весельи мирномъ,
Спишь на постеляхъ пуховыхъ.*

(*) Стихи сіи писалъ я въ походѣ въ 1912 году и посвятилъ
ихъ другу моему Григорію Егорьевичу К... ку.

Телерь же въ обгорѣлой хатѣ
Среди крестьянъ всегда живешь;
Взберешься скорчась на палаши,
И на соломѣ памъ уснешь.

Бывало предъ меня поставяшь
Уху сперляжью, соусъ, кремъ,
Лимономъ *бланъ-манже* приправяшь:
Сижу — и ничего не ѣмъ.

Телерь похлебкою худою,
Съ мякиной хлѣбомъ очень сытъ;
Дадуть капусты мнѣ съ водою:
Ѣмъ — за ушами лишь пицишь.

Бывало блюдечко варенья
Или конфектовъ съѣмъ одинъ,
Пью кофе для обыкновенья,
Какъ будто знатный Господинъ.

Телерь и полпиво дурное
Мнѣ Нектаръ съ шрубкой табаку;
Червонцы богачу пустое,
А нищій радъ и пятаку!

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Безъ лучшей водки ѣшь нельзя,
Шампанско пьешь или Мадеру,
И чаши пуншу вокругъ тебя!

Телерь, забывъ сѣи бездѣлки,
Бѣжишь къ Жиду скорѣй въ корчму,
На гривну пьяннешь тамъ горѣлки —
И радъ блаженству своему.

Бывало, шубы въ двѣ одѣвшись,
Летишь на четырехъ коняхъ —
Въ коляскѣ Франкфуртской разлегшись,
Иль парой въ городскихъ саняхъ.

Телерь всѣ кони — кляча рыжа,
А шубы — тепленькой колетъ;
Готовъ въ немъ ѣхать до Парижа,
И горя никакого нѣтъ.

Бывало съ милою дѣвицей
Сидишь и ловишь нѣжный взглядъ,
Мѣшаешь были съ небылицей,
Не видишь, какъ часы лешають.

Телерь, отъ милой въ отдаленъи,
Воспоминаемъ лишь живешь; —
Вздохнешь, и сердцу въ облегченъе
Слезу горячую прольешь.

Бывало мнѣ лишь Царедворцамъ
Спихи хощалъсь посвящать;
Я думать, славу спихотворцамъ
И дюжиннымъ доставить Знашь!

Телерь я славы сей не знаю,
Вельможамъ лести не пишу;
Оспраду въ дружбѣ обрѣшаю
И дружбѣ трудъ сей приношу.

(Изъ Богодухова) Уланъ.

18.

Заглавіе къ моимъ сочиненіямъ.

Ну какъ назвать? мои бездѣлки,
Мои творенья мѣлки,
Мое и сіо и то,
О гордость! что мой трудъ? Героевъ трудъ
ничто.

Нахимовъ.

Письмо Русскаго Солдата.

М лостивый Государь!

Чесшь, сдѣланная Рускому Солдапу помѣщеніемъ піесь его въ Журналѣ Демокрипѣ, піѣмъ для него чу свивительнѣе, что издапель безъ сомнѣнія оказалъ симъ единспвенно свое снисхожденіе, имѣя много лучшихъ маперіаловъ для наполненія своего Журнала. Снисхожденіе осмѣливаетъ — къ несчастію моему я люблю иногда въ свободное время марапъ бумагу — написавши, надобно кому нибудь прочиташъ, а безъ шого чорпъ ли бы велѣлъ взяпъся за перо — это обыкновенная слабоспъ и еспеспвенна каждому, начиная съ послѣдняго бумагомарапеля до Волпера. Комужъ читашъ между нашею брашьею военными — не для шого, чтобъ они не знали полку въ минперапурѣ; но для шого, что они бѣдные *заняты ученьемъ и разводами.* — Прійдетъ кто нибудь ко мнѣ, хватаю поскорѣй свѣжевыпеченную піесу — не успѣю прочиташъ одной строки, какъ слышу страшной апоспрофъ: „Чорпъ шебя возми съ „швоимъ сочиненіемъ! — дай поскорѣй

„водки, да закусишь — я уснул до смерти,“ — Ничего дѣлать — надобно положитьсь подъ спудъ любезное дитя.

Вышеупомянутое ваше снисхожденіе облегчаетъ чадомъ бившее мое сердце — я буду посылать къ вамъ въ школу моихъ малюшкѣ — безъ сожалѣнія я долженъ признаюсь, (хотя и отецъ) что есть между ими негодяи; въ такомъ рѣзъ, если послѣ порядочнаго исправленія вы увидите, что они нигдѣ уже не годятся, то прошу возвращать ихъ въ родительской домъ, гдѣ я найду для нихъ занятіе въ укротномъ мѣстѣ. — Безъ шутокъ — посылая при семъ нѣсколько плодовъ моего досуга, я признаюсь, что они писачы на скоро и какъ случалось; а иногда пакъ занятъ или лѣнивъ, что и переписать самому не хочется. Смѣю васъ просить, Милосивый Государь! если вамъ угодно будетъ чтонибудь изъ посылаемаго при семъ повѣстать въ вашемъ Журналѣ, возьмите на себя трудъ пересмотрѣть это критически, и если нужно, перемѣнить или исправить. Къ выше моей чести (что у меня спрашиваемая клятва) вѣрше, говорю, что это для меня будетъ крайне пріятно. — На при-

мѣть: послѣдній стихъ въ свиданіи Марса съ Венерою переменишь, но и къ прескрасно, чпо мысль, которая была прѣжде очень темна, объяснила ъ; кажется, теперь всякъ и угадешь, что благо разумемъ можно приобрести другой поясъ. Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ строгихъ критиковъ, впрочемъ свѣдущихъ и блестящихъ, что эта пѣска слишкомъ больна — неправда: все, что могло бы оскорбить тонкое чувство, здѣсь скрыто — дѣлушки иногда чинятся, а чаще слушаютъ и не такія аллегоріи. Да! — ксизаши — Демокришу со ѡповали не быть зубоскаломъ — чпожь значить зубоскаль? — кто смѣется самъ не знаетъ чему, и не только не забавень, но несносень — когожь слушаютъ съ удовольствіемъ — смѣются видя его смѣющимся — и шопъ, кто аккомпанируетъ ему, не изъ сволочи (разумѣя здѣсь всѣ классы словолочи), — шопъ не зубоскаль, а Демокришъ. Здѣлайте милосіе помѣстите для эшихъ господъ въ вашемъ Журналѣ плачь Іереміи: журналисту нужно всѣмъ угодить. Между шѣмъ я боюсь наскучить вамъ, хотя не разсужденіями, но длиннымъ саженнымъ письмомъ, и

спакъ, кончаю засвидѣтельствованіемъ искренняго солдаискаго почшенія.

Вашъ

Милостивый Государь

покорнѣйшій слуга

Р. С.

Р. С. Посовѣшуйте мнѣ — я имѣю на мѣреніе писать свои мысли въ солдаискомъ вкусѣ о Журналахъ — и здѣсь ъп-крываю вамъ первую мысль — *Журналы не должно судить слишкомъ строго — довольно, если они нравятся намъ въ ту минуту, когда ихъ читаемъ — зато они дешевы — но сколько прекрасныхъ вещей извлечено изъ Журналовъ.* (")

Маія 1 го дня.

(*) Издастелю очень пріятно будетъ, если журналъ его въ слѣдующей связкѣ украсится мыслями *Рускаго Солдата* на щель Журналовъ. М.

Піесы Рускаго Солдата.

20.

Нельзя безъ предисловія.

Что пасквили писать и подло и безчестно,
То всякому извѣстно.
Когда законъ гласить,
Что личность неприковновенна,
Чія рука толь дерзновенна,
Чтобы законъ сей преступить? —
Напротивъ, искони позволено въ саширѣ,
Смѣша честныхъ людей, осмѣивать порокъ
И всё, что глупаго ни есть въ подлунномъ
мірѣ,
Въ забаву для однихъ, а для другихъ въ урокъ.
Въ ней личность каждого и имя безопасны:
Гордецъ, скупой, подлець и плутъ,
Сердился могутъ ли, когда толь въ почъ най-
душъ,
Что всё поступки ихъ съ саширою согласны?
Да естѣли бы никто изъ авторовъ не смѣлъ
Описывать того, что дѣлается въ свѣшѣ,
То должнобъ на коврѣ (какъ въ сказкахъ) само-
летѣ
Отыскивать предмѣль за тридевять земель.
Не съ притязанія, чтобъ быть въ числѣ поэ-
шовъ,
Я взялся за перо — охъ! нѣтъ — избави
Богъ! —

Тогда бы худшаго изъ всѣхъ земныхъ предметъ-
шевъ

Я выбрать для себя не могъ.
Благодаря судьбѣ кусокъ имѣю хлѣба,
На что же мнѣ щипать насильно Музу съ
неба?

Писателей плохихъ и такъ довольно есть,
Умножить ихъ число великаль будешь честь?
Но только и себѣ, и вамъ, друзья! въ ушѣху
Сатиру напишу я на себя для смѣху:

Лѣкаръ самъ къ себѣ.

И такъ — вошь слишкомъ придишатъ лѣль,
Какъ злая мачиха — природа

Меня несчастнаго урода

Пустила въ бѣлой свѣстѣ.

За чѣмъ? — того не понимаю —

Но только твердо знаю,

Что Сидоръ, Каръ, Илья,

И грѣшной *Савва*, сирѣчь я,

Всѣ вышли изъ живой утробы,

А послѣ, радъ или не радъ,

Насъ всѣхъ положатъ въ гробы,

И кончится тѣмъ маскарадъ.

Но въ этомъ маскарадѣ,

Богъ знаетъ по чему!

Къ несчастью моему,

Я, кажется, всегда въ дурацкомъ былъ нарядѣ.

Какъ такъ?

Вотъ какъ :

Покойной мой отецъ, для вѣчной намъ обиды,
Одинъ изъ всей родни взялся пѣшь папахиды,
И самъ раскаялся, хоть поздно, на конецъ.
Но удиляйтесь судьбы моей капризамъ:
Бывъ ошъ рожденія врагомъ священнымъ ри-
замъ,
Я твердо положилъ пускитсь браться въ
слѣдъ,

Которые давно на полѣ чести смѣло

Взялись за рыцарское дѣло

(Чѣмъ занимались и прадедъ мой и дѣдъ).

Но замысламъ моимъ и рыцарству въ награду,

Не самъ ли чортъ одѣлъ меня à la Сангуадо —

И вмѣсто шаги давъ лачцетъ,

Велѣлъ опустошать весь свѣтъ.

Ахъ! лучшебъ я служилъ обѣдни,

Спрадалибъ меньше люди бѣдны.

Безпорно — славень Гиппократъ,

И Медицина также въ модѣ,

Когда *излишество* въ народѣ;

Но ахъ! — я чувствую, что лѣкаръ смер-
ши браться:

И шотъ, и та, какъ будто споромъ,

Чтобы другъ другу угодишь,

Спѣшать свѣтъ бѣлой пустошишь

Лѣкарствами и моромъ.

Что проливъ ихъ война? — пуской учени-
чишка:

Я смѣло ставлю сто противу одного,
Что сотня гренадеръ не здѣлаеть того.
Что здѣлаеть одинъ царскійникъ изъ *подтишка*.
Чтожъ я? когда герой убійствомъ только
славенъ,

То я Наполеону равенъ.

Я лѣкаръ — въ нравъ я себя и побранить;
Видь можно про себя что хочешь говорить!
Любезные мои товарищи! простите,
Что правду говорю — иначе научите,
Какъ лгать; къ моей бѣдѣ,
Я правду говорить привыкъ всѣмъ и вездѣ.

21.

Пр о л а з ъ.

Пролазъ нашъ говоритъ: „за что меня бранить?”

Я кажеться живу, какъ всѣ честные люди,
А жалують меня насильно въ лизоблюды.
Да пусть они себѣ, хоть преснутъ, говорятъ,
А я на весь ихъ вздоръ скажу въ отвѣтъ *фор-*
мально,

Что исполнять хочу всегда и *пунктуально*
Долгъ подчиненнаго. Въ передней постоюшь,
Великая бѣда! — видь ногъ не занимашь.
Скажашъ ласкашельство, хоть подлое, кто
старше,

Не худо, братья! за то и самъ пойдешь по
дальше.

Пусть врутъ, что такъ живутъ одни лишь по-
ллецы!

Охъ! благородные, честные храбрцы!

Вы ждете за труды награды Царя и Неба,

А мы и ползая найдемъ кусочикъ хлѣба.

Насъ презираютъ все: великая бѣда!

Лишь былобъ совѣсти по меньше, да стыда!

Все честь, да честь — пустякъ — лѣтъ, мо-
жешь бышь, за двѣсти

Держались совѣстно невѣжды ложной чести;

А въ наши времена не поживя съ умомъ,

Доспаиваете просить насущной подъ окномъ.

Да что и говорить; весь свѣтъ примѣровъ
полонъ,

Какъ вамъ, честнымъ глупцамъ, хлѣбъ доспаива-
ется солонъ.

— Но вы *дескать*, вредить стараешься дру-
гимъ —

Чтожъ нужды? лишь былабъ намъ польза въ
шомъ самимъ;

Всякъ ближе самъ къ себѣ — у насъ такая вѣра.

Какъ въ свѣтѣ жить, скажу еще вамъ для при-
мѣра:

Подслушавъ — подсмотрѣвъ — великой будто
грѣхъ? —

За то, когда прійдешь съ начальникомъ до
слова,

Сказать о комъ словцо матерія готова.

Вашъ скучно: не всегда случается успѣхъ!

Вить и начальники не всё на ухо слабы;
Иной, весь честію какою по набить,
Да истинну любя, съ досадою закричитьъ:
„Пойдите вонъ, сударь, виль сплетни любяшь
бабы!

Тогда шишкомъ — молчкомъ — подавшись за
дверь,

Въ споронку уклонись — начальникъ виль не
звѣрь —

Посердился день, два, а послѣ и забудешь.

Нѣшь! правду всю сказать, что было, по не бу-
дешь:

Бывало что взбредеть начальнику наврешь,
Достойнѣ себя чернишь — не ставишь въ
грошь,

Всё съ рукъ шло, — а шеперь пришли дни не
щастливы,

Начальники у насъ не кспати справедливы,

Хотяшь всё сами знашь — всемъ сами упра-
влять;

Чтожь брату нашему достанется сказать?

Разказовъ не хотяшь, а съ клеветой не суйся:

Прійдётся быть честнымъ и въ правду, какъ
ни дуйся.

22.

Разговоръ при погребеніи.

Солдатъ: Что значить сей обрядъ? —

Ученой: Тщеславіе живыхъ, — ничтожество во гробѣ.

Солдатъ: А черной сей нарядъ? —

Ученой: Да не къ лицу ли онъ прекрасной сей особѣ? —

23.

Надпись къ портрету, въ которомъ подлинникъ самъ себя узнаетъ.

Въ фигурѣ гордостью надушой,

Небрежно на бокъ изогнутой,

Самимъ собой довольной видъ

И молча будто говорить:

Смотрите! — какъ я всѣмъ опасенъ:

Красавицы! я миль, прекрасенъ,

Мущины! я умёнъ и гордъ:

Кто смѣетъ спать со мной въ бордъ?

Руской Солдатъ.

II.

П Р О З А.

24.

*Письмо Бантамскаго Посланника къ
своему Государю.*

Всемилоствѣйшій Государь!

Языкъ народа, гдѣ я теперь живу, имѣеть гораздо ошдаленнѣйшее опъ сердца разстояніе, нежели какое находится опъ Лондона до Бантама, и тебѣ извѣстно, что жипели одного мѣста не знаютъ здѣсь, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Они называютъ тебя и своихъ подданныхъ варварами, потому что мы думаемъ и говоримъ одно и тоже, а себя почищаютъ образованнымъ народомъ по той причинѣ, что они одно говорятъ, а другое думаютъ. Испинну они называютъ варварствомъ, а ложь учливостію. При первомъ моемъ выходѣ на швердую землю, одинъ изъ посланныхъ опъ Короля мнѣ на еспрѣчу, сказалъ, что онъ чрезвычайно сожалѣеть о безпокойствахъ причиненныхъ мнѣ штурмомъ, сопровождав-

шимъ меня на морѣ до моего сюда прибытія. Я весьма былъ пронупъ слыша о его печали, и соболѣзнованіи на мой щепъ, но не прошло еще четверти часа, какъ онъ началъ улыбаться, и былъ шакъ весель, какъ будто бы онъ не принималъ никакого участія въ моихъ приключеніяхъ. Другой шакже посѣпивъ меня вмѣстѣ съ нимъ по приказанію Короля, увѣрялъ меня чрезъ моего переводчика, что онъ былъ бы особливо щасливъ, если бы имѣлъ случай чѣмъ покло можно мнѣ служить: я послѣ сего увѣренія велѣлъ ему взять мой чемоданъ и нести за мною: но вмѣсто оказанія мнѣ услуги сошвѣшпенной его обѣщанію, онъ громко засмѣялся и приказалъ сіе сдѣлать другому. Первую недѣлю съ самага моего пріѣзда въ сіе Королевство, занималъ я квартиру у одного Англичанина, кошорый дозволилъ мнѣ жить у него какъ въ собшпенномъ моемъ домѣ: я на другой день пошпру началъ ломать одну стѣну въ его домѣ, дабы въ оной пропустилъ свѣжій воздухъ, и спалъ было прибиралъ домашнія его рѣдкости и лучшую мебель, дабы соспавишь изъ нихъ драгоцѣннѣйшій для себя подарокъ, но сей несносный вралъ; какъ

скоро примѣнили сію перестройку, по немедленно прислалъ комнѣ приказаніе оставишь его домъ въ прежнемъ состояніи безъ починки. И долго проживши здѣсь услышалъ я ошъ одного, которому испросилъ милосишь у Государственнаго Казначея, что я его обязалъ къ вѣчной благодарности: сіе меня привело въ крайнее удивленіе, и я его не преминулъ спросишь, какую услугу могъ я ему оказашъ, которая бы заслуживала вѣчную признательность; и потомъ попребовалъ одного шокмо награжденія, чтобы онъ дозволилъ своей старшей дочери обращаться со мною въ продолженіи моего шупъ посольства, но сей жестокосердый измѣнникъ, какъ и прочіе, ошвергнулъ съ грубостию мое прошеніе. При первомъ представленіи моемъ къ Королю во дворець, одинъ Вельможа привелъ меня въ замѣшательство представляя тысячу извиненій за то шолько, что случайно наступилъ на мой большой палець. Они шакую ложъ почишаюшь въжливостию, ибо когда они какой нибудь знаменитой особѣ изъясляюшь учпивость, то они говоряшь ей шакія несправедливости, за которые бы ты приказалъ Государственнымъ начальникамъ дашь шаковому шпо

шимъ меня на морѣ до моего сюда прибытія. Я весьма былъ пронутъ слыша о его печали, и собользнованіи на мой щепъ, но не прошло еще четверти часа, какъ онъ началъ улыбаться, и былъ шакъ весель, какъ будто бы онъ не принималъ никакого участія въ моихъ приключеніяхъ. Другой шакже посѣпивъ меня вмѣстѣ съ нимъ по приказанію Короля, увѣрять меня чрезъ моего переводчика, что онъ былъ бы способенъ шастливъ, если бы имѣлъ случай чѣмъ шокмо можно мнѣ служить: я послѣ сего увѣренія велѣлъ ему взять мой шесдаць и нести за мною: но вмѣсто оказанія мнѣ услуги сошвѣшпственной его обѣщанію, онъ громко засмѣялся и приказалъ сіе сдѣлать другому. Первую недѣлю съ самаго моего пріѣзда въ сіе Королевство, занималъ я кварширу у одного Англичанина, который дозволилъ мнѣ жить у него какъ въ собственномъ моемъ домѣ: я на другой день пошпру началъ ломать одну стѣну въ его домѣ, дабы въ оней пропустилъ свѣжій воздухъ, и спать было прибиралъ домашнія его рѣдкости и лучшую мебель, дабы соспавишь изъ нихъ драгоцѣннѣйшій для себя подарокъ, но сей несносный враль; какъ

скоро примѣшилъ сію перестройку, то немедленно прислалъ ко мнѣ приказаніе оставишь его домъ въ прежнемъ состояніи безъ починки. И долго проживши здѣсь услышалъ я ошъ одного, которому испросилъ милоснъ у Государственнаго Казначея, что я его обязалъ къ вѣчной благодарности: сіе меня привело въ крайнее удивленіе, и я его не преминулъ спросишь, какую услугу могъ я ему оказашъ, которая бы заслуживала вѣчную признательность; и пошомъ попребовалъ одного шокмо награжденія, чтобы онъ дозволилъ своей старшей дочери обращаться со мною въ продолженіи моего шупъ посольства, но сей жестокосердый измѣнникъ, какъ и прочіе, отвергнулъ съ грубостію мое прошеніе. При первомъ представленіи моемъ къ Королю во дворець, одинъ Вельможа привелъ меня въ замѣшательство представляя тысячу извиненій за шо полько, что случайно насупилъ на мой большой палець. Они шакую ложъ почитаютъ въжливостію, ибо когда они какой нибудь знаменитой особѣ изъявляютъ учпивость, шо они говорятъ ей шакія несправедливости, за которые бы ты приказалъ Государственнымъ начальникамъ дашь шаковому шо

ударовъ по пятамъ. И шакъ я не знаю, какимъ образомъ производишь препорученныя мнѣ дѣла съ симъ не заслуживающимъ никакой довѣренности народомъ. Когда я навѣщаю Королевскаго Секретаря меня предупреждають, что его нѣтъ дома, хотя онъ въ ту самую минулу предъ глазами моими ходилъ въ кабинетѣ. Ты бы почелъ всю здѣшнюю націю врачами, потому что первой ихъ вопросъ состоишь въ томъ; здоровъ ли я? о семъ спрашиваютъ меня болѣе ста разъ въ день сверхъ сего любопытство ихъ не только къ моему относится здоровью, но и къ своему ибо они держа въ рукахъ рюмки наполненныя виномъ, мечтають, будто бы имъ желаютъ себѣ лучшаго здоровья но я вѣдущую имѣю причину ожидать сего отъ крѣпкаго своего сложенія, нежели отъ искренности ихъ желаній. Каждый разъ, какъ я съ ними сажусь за столъ, они совѣщуютъ мнѣ пить ихъ напитки въ такомъ количествѣ отъ котораго я могъ бы сдѣлаться больнымъ. О когда бы дозволено мнѣ было съ безопасностію уйти отъ сего двуязычнаго народа, и дойти до того, чтобы еще разъ повер-

гнушь себя къ своимъ стопамъ въ сполчномъ своемъ градѣ Баншамъ!

(Съ Англійскаго.) *А. Флавицкій.*

25.

Б у м а г а.

(*И с е м а .*)

Одинъ изъ тѣхъ древнихъ, превосходныхъ умовъ, которыхъ идеи наполнены были колкими, оспрыми шупками, желая весь родъ человѣческой означить оплиципельною черпою, говорилъ, что душа младенца еспь бѣлая бумага, на кошорой чувспвопаніе попчасъ пишеть свои правила, добродѣпель прикладываетъ къ нимъ печать, или порокъ спираетъ ихъ.

Мнѣ кажется, что человекъ оспроумный могъ бы еще распроспранить эту щасливую и правильную мысль. Извинише моей гордоспи, еспли я, не имѣя оспраго, изобрѣшательнаго ума, осмѣливаюсь изъяснить ее.

Мы имѣемъ бумагу разныхъ сорповъ для разныхъ нуждъ: для моды, изящеспва и всякаго употребленія. Люди не

менѣ различны между собою: бумага всякаго сорша представляеть какого нибудь челоѡка.

Разсмотрише внимательнѡ распудренаго повѣсу въ кафтанѣ, шипомъ золотомъ, и шакъ нѣжнаго, какъ бы онъ шолько чпо вышелъ изъ бумажнаго ящика: не золотообрѣзная ли онъ бумага, копорую вы скрываете ошь грубой черни и прячете въ бюро?

Аршисшы, домашніе служилели, земледѣльцы, не суть ли расхожая бумага, копорую менѣ цѣнятъ, но копорая гораздо полезнѣе лежащей у васъ на налоѣ? На сей бумагѣ всякой пишешъ, и она необходима во всякое время.

Бѣдный скупецъ, копорый попомъ, бездѣльничествомъ, мошенничествомъ, собираешъ имѣніе для обогащенія наследника, ешь толстая, сѣрая бумага, упопреляемая неважными купцами на обертку нужныхъ вещей, для людей болѣе ихъ спюющихъ.

Попомъ посмотрише, какой коншрасшъ скупата! Онъ лишается здоровья своего, имѣнія и добраго имени среди удовольствій: не имѣешъ ли съ нимъ сход-

спва какяя нибудь бумага? Безъ сомнѣнїи имѣешь — пекучая бумага.

Безпокойный полиптикъ почитаетъ всегда эту сторону справедливою, а эту другую всегда ложною. Онъ кришкуетъ съ неистовствомъ, аплодируетъ съ бѣшенствомъ, дѣлается игрою всѣхъ народныхъ слуховъ, орудіемъ бездѣльниковъ, и никакое впечатлѣніе не открываетъ ему слабости его: онъ естъ пошъ свертокъ бумаги, копорой называется *ослинымъ коллакомъ*.

Опрометчивый, вспылчивый человекъ, въ жилахъ котораго кровь пещетъ спремшельно, заводитъ ссору при малѣйшемъ случаѣ и не можетъ сносить шушки, слова и даже взора: чѣмъ вы его называете? — Вѣрно изчерченною бумагою.

Что скажете о всѣхъ нашихъ спихотворцахъ, дѣбрыхъ и худыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, которыхъ чипаютъ много, или копорыхъ совсѣмъ не чипаютъ? Вы можете положить ихъ вмѣстѣ съ ихъ сочиненїями и называть самую бесполезною бумагою.

Посмотрите на юную, крошкую, невинную дѣвицу: она прекрасна, какъ листъ бѣлой бумаги, ничѣмъ еще не замаран-

ной. Щасливый человекъ, любитель фортуны, можетъ написать на немъ свое имя и взять его на свое пощеченіе.

Еще одно сравненіе, и небольшое. Благоразумной человекъ, которой презираетъ малоспи и которой мыслями своими, поспутками, наставленіями, обязанъ одному себѣ, а правиломъ имѣетъ чувствованіе своего сердца: такой человекъ есть бумага велень, самая лучшая, превосходная и самая дорогая изъ всѣхъ соршовъ бумаги.

Франклинъ.

III.
С М Ъ С Ъ.

I.

*Отъѣздъ студента на учительство въ
Олешки.*

На голосъ: *Гой почула моя доля.*

*Знатъ въ такій родився доли,
Щобъ вѣкъ прожиты въ школи.
Телерь вже не буду въ службѣ,
Буду горѣ терпѣть, нужды.
Буду жить съ учениками,
Не съ военными Панами —
А все вражи Прохвесоры
Мини выкопали чоры!
Шлють мене въ Уиздъ поганый;
А не въ повкъ Гусарскій, гарный!
Уже свѣъ я на тележку,
Прямо ихать во Олешку —
Щожъ я буду тамъ робити?
Свить сей дарма тяготити.
Гой, товарищи! прощайте
Жалость къ бидному вы майте,
Винъ не иде воевати,
Иде хлопцивъ научати,
Буквы знали щобъ складати,
Та щобъ знали, якъ писати.*

Лучшебъ минн при шаблици,
Чимъ при гаспидскій таблици.
Лучшебъ въ платъи бувъ сребреномъ,
Чимъ стоять при досци съ мѣломъ.
Лучшебъ минн въ караули,
Въ школи чимъ сидитъ на стули.
Лучшебъ минн бутъ при шпорахъ,
Чимъ ходити по конторахъ.
Лучшебъ минн съ киверёчкомъ,
Чимъ носитъся съ букварёчкомъ.
Якъ бы гарно було въ тасци!...
Щобъ улемыхъ взяли трясци!
Я бы въ вѣйсци легулярнымъ,
Тамъ бы бувъ не Тытулярымъ;
Тутенькажъ въ силъ сгину чини,
Щожъ робити въ сій годьни? —
Свое горенько терлити,
Щобъ медь опосли лити.
Обизвалась такъ годьна;
М лонхавъ парубчина! (*)

Мслечъ.

(*) Пѣсня сія не совершенно на Малороссійскомъ языкѣ написана, а на смѣшанкомъ, или, шакъ сказать, Украинскомъ. М.

2.

Планъ Романа à la Radcliff.

Разбойники и подземелья,
Съ полдюжины на башнѣ совъ;
Луна чуть съѣшитъ сквозь ущелья,
Гдали — шумъ вѣтровъ, вой волковъ;
Во снѣ моимъ героямъ снится
Драконъ въ огнѣ, летящій Грифъ;
Страхъ, ужасъ въ слѣдъ за ними мчится...
Вотъ вамъ Романъ *à la Radcliff!*

О. С

3.

Кенотафія И И. Л.

Сей Мужъ лѣтъ сорока, оставилъ бранный свѣтъ:
Ни ближнимъ, ни роднымъ потери важной нѣтъ;
Отъ жизни позвала во гробъ его чахотка:
Ни свѣту убыли, ни аду не находка!

*

4.

Къ портрету Рускаго Цицерона.

Въ семь видѣ предъ шобой Россійскій Цице-
ронъ:
Не именемъ однимъ лишь съ Римскимъ сходенъ
онъ;
И должностъ ихъ была сходна между собою,

Въ храмъ славы оба шли изящества стезёю;
Одинъ витійспвомъ словъ Римляновъ слухъ
плѣняль,
Другой конфектами вкусь Рускихъ услажда-
даль. (*)

5.

Два бича рода человѣческаго.

Бичами пущены въ сей мѣрь для смертныхъ
рода

Два Бонапартія урода,
Наполеонъ, Люсьень:

Одинъ людей хотѣль побить, заграбить въ
плѣнь;

Другой, ведя войну съ ушами,

Тиранить вздумалъ ихъ несносными стихами. (**)

Но Милосердый Богъ, слышавъ стонъ людей,

Пустилъ Небесный громъ въ обѣихъ сихъ би-
чей,

И въ бичъ людскихъ головъ, и въ бичъ люд-
скихъ ушей.

О. С—въ.

(*) Сей Цицеронъ былъ извѣстный въ Харьковѣ Конфеш-
чикъ. (1)

(**) Люсьень Бонапарте написалъ прескучную Поему: Шарле-
манъ, въ 24 хъ пѣсняхъ, и издалъ ее въ 1814 году.

Прим. С.

(1) Настоящее его имя Василій: его прозвали Цицеро-
номъ по большому Римскому носу. Прим. Изд.

В о с п о м и н а н і е .

Здѣсь подъ этой старой грушой,
Съ юной *Грушой* я сидѣль,
И, ея плѣняясь душой,
Радость въ ней мою имѣль.

Купидонъ лепаль надъ нами,
Всё резвился, да шалиль,
И преоспрыми стрѣлами
Наши онъ сердца разиль.

Съ милдой *Грушой* я обнялся:
Мы помилися опъ рань! . .
Мы помились, онъ смѣялся,
Снова взялся за колчанъ.

Ай, ай, ай! кричала *Груша*,
Охъ, охъ, охъ! и я вздыхаль:
Мила *Груша*, моя душа!
Я своимъ на вѣки сталъ!

Если я тебя забуду,
Пусть меня забудеть Богъ!

Пусть несчастливъ вѣчно буду,
Коль тебѣ забышь возмогу!

Не клянися такъ, Петруша!
Много такъ не обѣщай,
Говорила нѣжна *Груша*,
А свое мнѣ сердце дай.

Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ сердце
Отдалъ *Грушѣ* я моей,
И нельзя сказать, что въ перцѣ
Сердце спрячано у ней!!

М.
